

УДК 347

DOI: 10.17223/22253513/41/15

Т.М. Медведева, Л.А. Новоселова, М.А. Новоселов

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ¹

Современные технологии создают возможности для кардинального изменения финансового сектора экономики. Одно из наиболее ярких явлений в этой области – появление частных цифровых средств платежа (средств обращения). Реакцией регуляторов во многих странах стала разработка программных сервисов, построенных на тех же технических принципах, но с использованием платежных единиц, эмитируемых центральными банками. В статье рассматриваются некоторые риски, которые необходимо учитывать при введении цифровых валют центральных банков, а также очевидные потребности в изменении законодательства.

Ключевые слова: деньги; цифровые активы; цифровой рубль; цифровая валюта центрального банка; платежное средство; риски.

Одним из самых обсуждаемых нововведений, которое затронет не только узкий круг профессионалов, а практически каждого, стал проект Банка России по цифровому рублю. В октябре 2020 г. Банком России был опубликован Доклад для общественных консультаций [1], а в апреле 2021 – Концепция цифрового рубля [2]. Предложения, сформулированные в Концепции, предполагают достаточно радикальную перестройку (вернее, достройку) российской финансовой системы.

Идея введения цифровых платежных средств, эмитируемых государством (как правило, в лице центрального банка страны) с использованием современных цифровых платформ не является новой. На различных стадиях разработки подобные проекты существуют в целом ряде стран (Китай, Швеция, Южная Корея, Канада, Норвегия, Великобритания, Дания, Швеция, Исландия, США) или регионов (Евразия, страны Карибского бассейна и т.д.).

Для обозначения таких объектов используют термин «централизованная цифровая валюта центрального банка» (CBDC / ЦВЦБ), однако даже само это понятие пока еще не получило однозначного и общепринятого определения² [3].

Несмотря на повышенный интерес к CBDC со стороны исследователей, профессионалов финансового рынка и представителей монетарных вла-

---

¹ Исследование проведено в рамках госзадания «Правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданских прав (правоотношений)».

² Например, в июле 2020 г. Банк Литвы выпустил коллекционную монету в форме NFT – невзаимозаменяемого токена [4]. Может ли это считаться выпуском ЦВЦБ – вопрос открытый.

стей, эта технология все еще находится на раннем этапе развития, и лишь в одной юрисдикции (Багамские острова) централизованная цифровая валюта внедрена и используется на постоянной основе, причем и этот проект на данный момент имеет возраст менее одного года¹.

В Докладе [1] подробно освещались возможные модели ЦВЦБ и технологии их реализации и отмечалось, что во всех моделях создание и функционирование платформы и выпуск ЦВЦБ обеспечиваются центральным банком, открытие электронных кошельков и проведение расчетов осуществляется на платформе ЦВЦБ, предполагается открытие клиенту только одного кошелька. Отличия между моделями определяются: порядком осуществления контроля за отмыванием доходов, финансированием терроризма и распространения оружия массового уничтожения; порядком открытия и проведением платежей и расчетов по кошелькам клиентов; доступом к кошелькам клиента для другого банка / посредника.

В Концепции по итогам общественного обсуждения выбрана «двухуровневая розничная модель цифрового рубля» (модель D), предполагающая следующее:

- эмитентом цифрового рубля будет являться Банк России, цифровой рубль является обязательством Банка России;
- зачисление цифрового рубля осуществляется в результате списания безналичных средств в соотношении 1:1;
- Банк России открывает кошельки финансовым организациям и Федеральному казначейству, а финансовые организации открывают кошельки клиентам на платформе цифрового рубля;
- клиенту открывается только один кошелек в цифровых рублях, который размещается на платформе цифрового рубля и не отражается на балансе финансовых организаций, открывших кошельки;
- на цифровые рубли не начисляется процентный доход на остаток;
- при банкротстве финансовых организаций средства на кошельке доступны клиенту через любую финансовую организацию, где он обслуживается [2. С. 9].

Предложенная Банком России модель соответствует «гибридной CBDC»², описанной специалистами Банка международных расчетов как «инновационное решение для будущего, сочетающее в себе черты прямой и непрямой систем» [7] (она же двухуровневая розничная модель по классификации World Economic Forum [8]). Сходная архитектура используется

---

¹ Полный список проектов в области CBDC по всему миру (и достигнутого в них прогресса) доступен на сайте Банка международных расчетов (БМР) (<https://www.bis.org/publ/work880.htm>). См. также обзор на сайте CoinMarketCap (<https://coinmarketcap.com/alexandria/article/central-bank-digital-currencies-a-map-of-the-world>).

² Здесь мы говорим о гибридной CBDC по версии Auer&Bohme [5], которую не стоит путать с гибридной CBDC по версии Adrian&Mancini-Griffoli [6], представляющей собой частные токены, обеспеченные резервами, хранящимися в ЦБ (как уже указывалось, терминология в данной области темы находится в процессе активного формирования и не всегда вполне однозначна).

в китайской электронной валюте DC/EP («Цифровой юань», находится в стадии пилотного проекта) [9, 10]; она же применяется в пилотном проекте шведского Риксбанка e-Krona [11, 12]¹ и в упомянутой выше CBDC Багамских островов Sand Dollar [14, 15].

Впервые описавшие эту модель исследователи отмечают, что она позволяет в наибольшей степени смягчить риск несостоятельности контрагента – провайдера платежной системы. В то же время такая система вбирает в себя как достоинства, так и недостатки своих родственниц – «непрямой» (синтетической) и «прямой» (с единственным участником в лице ЦБ) систем [7]. Основным преимуществом гибридной архитектуры является сочетание надежности счета как обязательства ЦБ и гибкости и удобства, обеспечиваемых частными посредниками [16].

Многие из отмеченных в Концепции вызовов еще не получили адекватного осмысления в мировом опыте, а большинство решений и предложений являются не более чем теоретическими построениями.

Среди основных экономических и технологических рисков введения CBDC в упомянутом выше докладе S. Allen et al. [9] выделяются:

- 1) дезинтермедиация банковской системы;
- 2) неверный расчёт полномочий регулирующих органов;
- 3) недостаток регуляторной экспертизы (неспособность регулирующих органов к быстрой адаптации к меняющимся условиям) и операционный риск;
- 4) нарушение права пользователей на приватность;
- 5) технологические и структурные уязвимости.

В целом дезинтермедиация (устранение посредников в лице частных банков) включается в число основных рисков введения CBDC почти всеми исследователями [3, 8, 17–19]. По всей видимости, подобный вызов является неизбежным, однако сила его реализации целиком и полностью зависит от действий монетарных властей и грамотной архитектуры системы CBDC. При введении новой системы необходимо сохранять баланс между интересами банковского сектора, потребителей и государственной политики. Так, многие центральные банки отмечают возможность начисления процентов на счета в CBDC в качестве важнейшего фактора, способствующего притоку средств населения с депозитов в систему [20, 21]. Отмечается также, что система CBDC, не предполагающая начисления процентов (подобная предложенной ЦБ РФ), может приобрести популярность только в случае нулевых или отрицательных доходностей иных распространенных

---

¹ В Швеции и Китае огромная роль в системах CBDC отведена финансовым посредникам – платежным системам (Swish и Alipay / WeChat Pay соответственно) [12]. Также необходимо принимать во внимание, что пилотируемые в обеих юрисдикциях системы основаны на токенах, а не на счетах. В рабочем докладе МВФ “Legal Aspects of Central Bank Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations” отмечается, что наиболее серьезные правовые различия между системами CBDC обусловлены именно выбором между этими двумя вариантами [3].

инструментов [20]. В целом же меры, предлагаемые для решения проблемы дезинтермедиации, аналогичны предлагаемым Центробанком¹.

Однако, прежде чем приступить к решению проблемы дезинтермедиации, Центральному Банку придется решить «проблему медиации», т.е. привлечения финансовых посредников в систему ЦВЦБ.

На данный момент предлагаемая система не представляется в достаточной мере привлекательной для банков: на них возлагается ответственность за достаточно дорогостоящие процедуры КУС² и ПОД/ФТ (относительная стоимость этих процедур обратно пропорциональна размеру банка; таким образом, конкурентоспособность малых и региональных банков может дополнительно снизиться) [22], а также за разработку собственного программного обеспечения для доступа к ЦВЦБ; при этом банк не только не получает доступа к дополнительному фондированию, но и теряет уже существующее (путем неизбежного перетока части средств вкладчиков на счета ЦВЦБ). Безусловно, банки получают возможность создавать добавленную стоимость новыми путями – скажем, создавая сервисы, основанные на смарт-контрактах, взимая комиссии или просто, как предлагает ЦБ, закладывая потери в стоимость кредитных денег. Однако пока непонятно, будет ли этого достаточно для компенсации потерь. Да, КУС и ПОД/ФТ – это естественные функции банков, но эти функции, как показано в работе Чарльза Кана [19], неразрывно связаны с предоставлением кредита³. Таким образом, в предложенной системе нарушаются фундаментальные связи, лежащие в основании банковской системы⁴.

Кроме того, достаточно крупной и часто упоминаемой в литературе угрозой финансовой стабильности является возможный массовый переток денежных средств с депозитов на счета CBDC в случае банковской паники и / или иной кризисной ситуации [8, 18, 20, 25, 26]. В качестве мер борьбы с оттоком ликвидности предлагаются введение лимитов на объем счетов

---

¹ Хотя, например, М. Kumhoff и С. Noone предлагают довольно радикальное решение, включающее четыре пункта: регулируемую процентную ставку на CBDC, четкое разделение резервов и CBDC и невозможность взаимной конвертации, отсутствие гарантий обмена средств с депозитов на CBDC по запросу, эмиссию CBDC только под залог надежных ценных бумаг (главным образом государственных облигаций) [21].

² «Know your customer» – «знай своего клиента» – термин банковского и биржевого регулирования для финансовых институтов, а также других компаний, работающих с деньгами частных лиц, означающий, что они должны идентифицировать и установить личность контрагента, прежде чем проводить финансовую операцию.

³ Там же Кан пишет: «Мы можем даже предположить, что фундаментальная функция, делающая банк – банком – это возможность установления и проверки личности».

⁴ Возможно, правильным направлением будет изучение опыта достаточно успешного пилотного проекта e-Peso, прошедшего в Уругвае. В начале проект предполагал наличие единственного посредника в виде местной платежной системы InSwitch, однако в процессе реализации пилота некоторые банки выразили активное желание присоединиться к нему [24]. Дальнейший анализ этого кейса может пролить свет на то, какие атрибуты системы могут послужить стимулом для участия различных посредников.

физических лиц в CBDC, введение разноуровневых процентных ставок в зависимости от объема средств на счете, установление комиссий за конвертацию CBDC в фиатные деньги и обратно [26, 27]. В Концепции отмечается, что «Банк России также рассмотрит возможность использования банками лимитных механизмов при операциях с цифровым рублем» [2. С. 30]. Подобная мера не представляется достаточной и продуманной. Во-первых, при необходимости подобные ограничения могут быть достаточно легко обойдены при помощи подставных лиц. Во-вторых, в ситуации повышенного спроса на ЦВЦБ наличие лимитов может привести к появлению параллельного рынка и обменного курса [20, 26], что нарушит постулируемый ЦБ принцип паритета 1:1.

Банк Швеции, являющийся одним из мировых лидеров в разработке CBDC, отмечает, что «введение лимитов, достаточно строгих, чтобы предотвратить бегство вкладчиков, нанесет значительный урон функции е-кроны как средства платежа» [20]. Заметим, что введение подобных лимитов ограничит возможность физических лиц совершать крупные покупки (недвижимость, транспорт и т.п.) при помощи надежного финансового инструмента [19], что, в свою очередь, может значительно снизить интерес соответствующего бизнеса к новой системе.

В отношении регуляторной и технической экспертизы Центрального Банка процитируем статью уже не раз упоминавшихся выше экономистов Рафаэля Ауэра и Райнера Бёме: «Все это указывает на новый компромисс для центральных банков в цифровую эпоху: они могут управлять либо сложной технической инфраструктурой, либо сложными режимами надзора. Есть много способов осуществить это, но все они потребуют от центрального банка значительных технологических компетенций» [16].

Еще одним экономическим риском (реже обсуждаемым исследователями, но от этого не менее важным) является статус ЦВЦБ как законного платежного средства (*legal tender*). Так, в Концепции подчеркивается, что «Банк России примет меры для устранения рисков, которые могут возникнуть при использовании цифрового рубля (например, риск незаконного отказа от приема цифрового рубля в оплату предприятиями торговли и сервиса)» [2]. Таким образом, если цифровой рубль станет обязательным к принятию в качестве средства платежа, возникают необходимость в обеспечении всех организаций, принимающих платежи, соответствующим оборудованием и риск дискриминации и даже преследования в случае его отсутствия, что противоречит постулированному Концепцией принципу «повышения доступности».

Кроме того, как отмечают эксперты МВФ, кредитор – физическое лицо, не владеющий техническими средствами, необходимыми для доступа к ЦВЦБ, в принципе не может свободно ею распорядиться (в том числе получить входящий перевод), что противоречит самой концепции законного платежного средства [3]. Помимо прочего, встает и вопрос о том, не является ли предоставление участникам соответствующих технологических ресурсов и возможностей обязанностью Центрального Банка [26].

Наконец, статус CBDC как законного платежного средства вызывает к жизни и важный теоретико-правовой вопрос: являются ли полномочия государства по законодательному приданию (т.е. путем позитивного права) платежному средству статуса «законного платежного средства» абсолютными? Каким инструментам в принципе может быть дан подобный статус? [3].

Для российской правовой системы данный вопрос является не менее актуальным еще и в связи с тем, что российское законодательство до сих пор не выработало четких и неоднозначных подходов к определению законного платежного средства. Так, ст. 29 Закона о Центральном банке¹ установлено, что банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством *наличного платежа* на территории Российской Федерации. Но в отношении того, являются ли средства на счетах, и какие именно и на каких счетах, законным платежным средством, данный закон умалчивает.

Пункт 1 ст. 140 ГК РФ говорит о том, что рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации. Данную норму нередко приводят в качестве основания позиции, что все средства в рублях – наличные и безналичные – являются законным платежным средством. Данная позиция не учитывает, что законное платежное средство – это определенный актив, в отношении которого государство гарантирует его принятие по номиналу для всех видов платежей на своей территории. Вместе с тем средства на счетах банков далеко не всегда сохраняют признаваемую платежную функцию (например, средства на счете банка-банкрота). Кроме того, в отличие прямо названных в Законе о Центральном банке монет и банкнот, безналичные денежные средства не только не названы законным платежным средством, но и само понятие «безналичных денежных средств» в законе не раскрывается, что вряд ли допустимо в системе регулирования столь чувствительной сферы, как денежные отношения.

В Докладе цифровой рубль предлагается считать дополнительной формой российской национальной валюты, которая будет имитироваться Центральным Банком в цифровой форме. Цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться в электронном кошельке. Передача цифрового рубля от одного пользователя к другому будет происходить в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой.

Соответственно, для того чтобы операция по оплате произошла, у получателя должен иметься электронный кошелек. Ниоткуда не следует, что субъект обязан заводить такой кошелек и тем более сообщать данные о нем должнику. Следовательно, субъект не может быть обязан и принимать цифровые рубли в качестве средства платежа. Отказ от такого перечисления не будет рассматриваться как отказ от надлежащего исполнения де-

---

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

нежного обязательства. Однако, как отмечал Л.А. Лунц, правовое значение законной платежной силы, присвоенной денежному знаку, заключается в том, что кредитор по обязательству, которое может быть погашено путем денежного платежа, отказавшись принять законное платежное средство, впадает в просрочку [28. С. 50–52]. Статус законного средства платежа позволяет погашать надлежащим исполнением любое денежное обязательство на территории Российской Федерации в силу закона без необходимости выражения на то воли кредитора [29].

В чем же тогда будет состоять обязательная сила такого законного платежного средства, не ясно.

В комплексном аналитическом обзоре Брукингского института [9], посвященном централизованным цифровым валютам, выделяются и иные приоритетные правовые аспекты, требующие разрешения при запуске системы CBDC:

- 1) обеспечение соблюдения законодательства о ПОД/ФТ, отслеживание денежных потоков, контроль за транзакциями;
- 2) защита от мошеннических и ошибочно проведенных операций;
- 3) вопросы, связанные с различными обременениями и взысканиями;
- 4) налогообложение цифровых валют;
- 5) защита персональных данных и обеспечение приватности.

Все эти аспекты в той или иной степени затронуты в Концепции, однако в большинстве случаев в ней не предложены их решения или пути их достижения, а дается лишь указание на существование проблемы. Например, отмечается, что «в сфере публичных правоотношений планируются определенная коррекция налогового и бюджетного законодательства, изменение режимов обращения взыскания на имущество, определение особенностей распоряжения цифровым кошельком в рамках отношений, связанных с банкротством»¹ [2. С. 28].

Основной риск связан с тем, что средства ЦВЦБ являются обязательством² Центрального Банка и хранятся на принадлежащей ему платформе. Как отмечается в зарубежной литературе, субъектом обращения возможных взысканий в конечном итоге становится сам центральный банк [3]. В российских реалиях обращение взыскания на денежные средства реализуется посредством либо их физического изъятия у владельца (наличные), либо при обращении к банкам, ведущим счета (безналичные средства). Каким образом и кем будет обеспечиваться доступ к средствам на кошельках при обращении на них взыскания по долгам клиента, как частным, так и публичным, в том числе при банкротстве, Концепция не определяет. Данный вопрос требует первоочередного разрешения³. На основе выработанных

---

¹ К широкомасштабной ревизии частного и налогового права в связи с введением CBDC призывают и исследователи из МВФ [3].

² Концепция поясняет, что понятие «обязательство» в данном случае используется в экономическом смысле, но не раскрывает его.

³ На необходимость решения данного вопроса обращалось внимание при обсуждении Доклада Банка России в Исследовательском центре частного права.

ных технических решений должны быть разработаны изменения в Закон об исполнительном производстве, Закон о банках и банковской деятельности, Закон о банкротстве и т.д. Повлияет решение данного вопроса и на положения, определяющие порядок проведения операций по банковским счетам (например, в части очередности списания), поскольку недостаточно продуманные меры могут привести к тому, что выработанные ранее подходы к арестам средств, приостановлению операций, определению очередности списания потребуют корректировки, с тем чтобы исключить их обход при переводе средств со счетов в ЦВЦБ.

В Концепции упоминается, что «на платформе цифрового рубля будет обеспечена конфиденциальность информации об операциях клиентов и защита их персональных данных» [2. С. 24] и т.д. Тема приватности (и баланса между ее сохранением и мерами по соблюдению ПОД/ФТ) занимает центральное место во многих работах, посвященных CBDC [8, 18, 25].

Так, эксперты ВЭФ отмечают, что «Приватность данных должна быть приоритетом... пользователи должны быть защищены как от избыточного государственного надзора, так и от внешних кибератак... валюта должна быть настолько анонимной, насколько возможно, принимая во внимание правила ПОД/ФТ... необходимо разработать правила, четко описывающие принципы сбора, хранения и использования данных... пользователи должны получить ясное понимание, кем, когда и как их данные собираются, используются, передаются и хранятся... пользователи должны иметь право получить доступ к своим данным в стандартизованном и структурированном формате» [8]. Ауэр и Бёме, в свою очередь, замечают, что «единственным гарантированным способом избежать утечек является как можно более быстрое и безвозвратное удаление данных о старых транзакциях... принцип минимизации данных должен быть основой регулирования в области data privacy... если же такой вариант невозможен, следует максимизировать агрегацию и анонимизацию счетов» [7]. Итай Агур пишет, что CBDC могут приобрести популярность и составить конкуренцию криптовалютам только в том случае, если в системе сохранится важнейшая черта наличных денег – анонимность. При этом отмечается, что вопрос анонимности – это спектр, а не выбор из двух вариантов: «Предложите слишком много анонимности, и вы простимулируете нелегальную активность; предложите слишком мало, и валюта будет неконкурентоспособной» [18].

Отдельного внимания заслуживает и тема смарт-контрактов, использующих ЦВЦБ (возможность их разработки заложена в Концепцию). К сожалению, тема нарушений приватности при реализации смарт-контрактов недостаточно разработана в литературе, но уже понятно, что они могут серьезно навредить приватности пользователей, позволив разработчикам почти бесконтрольно собирать объем данных, немыслимый в рамках современной системы [25]. Таким образом, вопрос обеспечения приватности пользователей также имеет важнейшее значение для гармоничного развития системы. Одним из возможных решений, предлагаемых специалистами, является предложение при разработке системы ЦВЦБ предусмотреть

создание многоуровневой системы КУС с разными уровнями доступа и платежных лимитов [20, 25]. Для обеспечения приватности, помимо разработки технических средств защиты, в российском праве потребуется и серьезная корректировка законодательства о персональных данных, а также, возможно, пересмотр положений о банковской тайне.

Проблема мошеннических и ошибочных операций также является более сложной, чем кажется на первый взгляд. Если с мошенничеством теоретически можно успешно бороться, выстроив баланс приватности и возможности отслеживания операций (см. выше), то вопрос ошибочных операций является значительно более сложным. Например, является трудноразрешимым вопрос о том, кто несет ответственность за ошибочно проведенную операцию – какая-либо из сторон транзакции, оператор платежной системы или держатель счета. Исследователи отмечают, что ответственность сложным образом размывается между сторонами [23] (также упоминается меньшая гибкость системы, основанной на счетах в вопросах ошибочных операций).

Распределение рисков несанкционированных клиентом операций по счету и ответственности банков за неправомерное списание средств со счета клиента в результате ошибки или мошеннических действий третьих лиц долгое время являлось предметом острых юридических дискуссий, и лишь на основе складывающейся судебной практики были выработаны нормы (хотя и не оптимальные), определяющие сферу обязательств и ответственности банков и клиентов¹.

В настоящее время законодательством установлены специальные правила об ответственности за несанкционированный перевод денежных средств и о распределении убытков между банком и клиентом, возникших в ходе использования электронных средств платежа (см. ст.ст. 7, 9 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О национальной платежной системе»). Нет сомнений, что для ЦВЦБ должны быть разработаны правила о распределении ответственности / рисков мошеннических и несанкционированных клиентом операций, а также определены последствия для проводимой операции технических сбоев в системе.

Одним из вопросов, который также ставился на обсуждение при подготовке Концепции, являлся вопрос о необходимости закрепления в законе цифрового рубля как особого объекта гражданских прав, третьего вида «денег» наряду с уже упомянутыми в ст. 128 ГК РФ наличными деньгами и безналичными денежными средствами. Такое дополнение представляется излишним, поскольку включение в стю 128 ГК РФ указаний на безналичные денежные средства являлось исключительно реакцией на слабо обоснованные, но громкие выступления некоторых юристов, опасавшихся виндикации «безналичных денег» и иных шагов, распространяющих на них

---

¹ См. п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 19.04.1999 № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» (Вестник ВАС РФ. 1999. № 7) и связанные с этим постановлением обсуждения.

нормы ГК РФ о вещах. В ответ законодатель внес в ГК РФ уточнение, которое лишь обратило внимание на различия в форме выражения денег. В качестве единого объекта деньги рассматриваются в ст. 140 ГК РФ. Учитывая, что цифровой рубль не является вещью, материальным объектом, он может быть отнесен к безналичным деньгам. Последнее понятие используется в законодательстве, но нигде не раскрывается. Содержание понятия безналичных денег сформировано в юридической литературе и может быть расширено с учетом появления новых технологий, обеспечивающих проведение платежей.

Значительно более важными являются другие проблемы, часть которых была рассмотрена выше.

Помимо них необходимо также осмыслить и с учетом этого урегулировать такие вопросы, как момент исполнения денежного обязательства при расчетах ЦВЦБ, окончательность платежа и др. Очевидно, что внедрение ЦВЦБ потребует изменения положений о безналичных расчетах и всего связанного с этими нормами комплекса законодательства.

Как было показано, система цифровой валюты центрального банка создает множество возможностей для конкретного человека, государства и финансового сектора. В то же время эта система таит в себе множество рисков и не выявленных на сегодняшний день опасностей. В связи с этим хотелось бы ориентироваться на подход, озвученный председателем Банка Кореи Ли Джу Ёлем: «[...в вопросах введения ЦВЦБ] важны не скорость, а тщательность и качество» [27].

Литература

1. Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций, октябрь 2020 / Центральный Банк Российской Федерации. М., 2020. 47 с.
2. Концепция цифрового рубля, апрель 2021 / Центральный Банк Российской Федерации. М., 2021. 30 с.
3. Bossu W. et al. Legal Aspects of Central Bank Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations // IMF Working Paper WP/20/254. IMF Legal Department. 2020. 51 p.
4. LBCOIN – About the project // Lietuvos Bankas. URL: <https://lbcoin.lb.lt/fk046> (accessed: 21.04.2021)
5. Agur I., Ari A., Dell'Ariceia, G. Designing Central Bank Digital Currencies // IMF Working Paper No. 19/252. IMF Research Department. 2020. 39 p.
6. Adrian T., Mancini Griffoli A. The rise of digital money // IMF Fintech Notes, July 2019. Washington, DC : International Monetary Fund, 2019.
7. Auer R., Boehme R. (a). The technology of retail central bank digital currency // BIS Quarterly Review. March 2020. 16 p.
8. Central Bank Digital Currency Policy-Maker Toolkit: Insight Report, January 2020 // World Economic Forum Centre for the Fourth Industrial Revolution. 2020. 28 p.
9. Allen S. et al. Design Choices for Central Bank Digital Currency: Policy and Technical Considerations // Global Economy & Development Working Paper 140. Brookings Institution. 2020. 110 p.
10. Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the Central Bank Digital Currencies: Drivers, Approaches and Technologies // CEPR Discussion Paper No. DP15363. Centre for Economic Policy Research. 2020. 44 p.

11. E-krona pilot Phase 1, April 2021 // Sveriges Riksbank. 2021. 21 p.
12. E-krona project, report 1, September 2017 // Sveriges Riksbank. 2017. 44 p.
13. Laboure M. The steps required to promote digital currencies // Konzept # 19: What we must do to rebuild. Deutsche Bank Research. 2020. P. 49–52. URL: <https://tinyurl.com/dbkonzept19> (accessed: 21.04.2021).
14. Project Sand Dollar: A Bahamas Payments System Modernisation Initiative, 24 December, 2019 // Central Bank of the Bahamas. Nassau, 2019. 33 p. URL: <https://cdn.centralbankbahamas.com/documents/2019-12-25-02-18-11-Project-Sanddollar.pdf> (accessed: 21.04.2021).
15. Davis C.B. Sand Dollar: Driving Financial Inclusion and FinTech Innovation In the Midst of COVID-19 // I Meeting of Heads of Financial Market Infrastructures. September 30 – October 2, 2020, Center for Latin American Monetary Studies (CEMLA). 2020. URL: <https://www.cemla.org/actividades/2020-final/2020-09-i-meeting-market-infrastructures/2020-09-i-meeting-market-infrastructures-2.pdf> (accessed: 21.04.2021).
16. Auer R., Boehme R. CBDC architectures, the financial system, and the central bank of the future // VoxEU.org – CEPR’s policy portal. URL: <https://voxeu.org/article/cbdc-architectures-financial-system-and-central-bank-future> (accessed: 21.04.2021).
17. Ward O., Rochemont S. Understanding Central Bank Digital Currencies (CBDC): an addendum to “A Cashless Society – Benefits, Risks and Issues (Interim paper)”, March 2019 // Institute and Faculty of Actuaries. 2019. 52 p.
18. Agur I. Central Bank Digital Currencies: an overview of pros and cons // Do We Need Central Bank Digital Currency? Economics, Technology and Institutions / E. Gnan, D. Masciandaro (eds.); Société Universitaire Européenne de Recherches Financières Conference Proceedings. 2018. P. 82–90.
19. Bindseil U. Tiered CBDC and the Financial System // ECB Working Paper No. 2351. European Central Bank. January 2020. 42 p.
20. E-krona project, report 2, October 2018 // Sveriges Riksbank. 2018. 52 p.
21. Kumhof M., Noone C. Central bank digital currencies – design principles and balance sheet implications // Staff Working Paper No. 725. Bank of England. 2018. 54 p.
22. Global Anti-Money Laundering Survey 2014 // KPMG. 2014. 80 p. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2015/03/global-anti-money-laundering-survey-latest.pdf> (accessed: 21.04.2021).
23. Kahn C.M. How are payment accounts special? // Payments Innovation Symposium. October 12-13, 2016, Federal Reserve Bank of Chicago. 2016
24. Bergara M., Ponce J. Central bank digital currency: the Uruguayan e-Peso case // Do We Need Central Bank Digital Currency? Economics, Technology and Institutions / E. Gnan, D. Masciandaro (eds.); Société Universitaire Européenne de Recherches Financières Conference Proceedings. 2018. P. 82–90.
25. Nabilou H. Testing the waters of the Rubicon: the European Central Bank and central bank digital currencies // Journal of Banking Regulation. 2020. Vol. 21. P. 299–314.
26. Pfister C. Central Bank Digital Currency: A Primer // SUERF Policy Note, is/ No 143. SUERF - The European Money and Finance Forum. 2020. 11 p.
27. Mancini-Griffoli T. et al. Casting Light on Central Bank Digital Currency // IMF Staff Discussion Note SDN/18/08. 2018. 39 p.
28. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 2004. 350 с.
29. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Биг-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М. : Проспект, 2019. 320 с.
30. Лиджувель ханын чхоньджэ «собихвебок додэ... мульгасансын кокджон анхэ» (Ли Джу Ёль: «Восстановление потребления идет медленно, об инфляции я не беспокоюсь») // Монитудеи («Деньги сегодня»). 2021. 25 февр. URL: https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2021022512521030340&VNC_T (дата обращения: 21.04.2021).

Medvedeva Tatyana M., The Private Law Research Center under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev, *Novoselova Ludmila A.*, Kutafin Moscow State Law University, *Novoselov Mikhail A.* Research Office on Regulatory Issues, JSC “Otkrytie Broker” (Moscow, Russian Federation)

LEGAL RISKS OF INTRODUCING THE DIGITAL RUBLE

Keywords: money, digital assets, digital ruble, central bank digital currency, legal tender, means of payment, risks.

DOI: 10.17223/22253513/41/15

The prospects of introducing digital means of payment based on the latest advances of information technology have been a subject of active discussion lately. The emergence of cryptocurrencies that are not issued by or on behalf of the state, as well as non-state-owned digital payment services, has posed a serious challenge to the existing monetary system. The first reaction of regulators (mainly, central banks) was to take prohibitive measures. However, it is now understood that the benefits of digital money can also be put to a good use by the state.

A number of projects aimed at creating a central bank digital currency (CBDC) have emerged in various jurisdictions. These projects should, according to their creators, combine the advantages of cutting-edge financial technology with the achievement of the monetary policy objectives. The first project of this kind was Ecuador's Dinero Electronico, launched in 2014. Similar developments are underway in a number of other countries and regions (Sweden, South Korea, Canada, China, Norway, the UK, the Eurozone etc.). Despite the ever-increasing interest in CBDCs, the technology is still in a nascent state. The Bank of Russia has also drafted a Digital Ruble Concept, which was published in April 2021. According to the Concept, the digital ruble will be the third form of money, along with non-cash accounts and regular cash.

The Concept utilizes the so-called two-tier retail (or “hybrid”) CBDC model, based on the principle that the CBDC is issued by the Bank of Russia, which opens accounts for the Federal Treasury and financial institutions; these institutions are, in turn, responsible for client interaction and account opening. However, clients' accounts are not reflected on the balance sheets of the financial institutions and are Central Bank's liability.

Foreign researchers point to a significant number of new risks as well as legal issues that need to be addressed when developing a CBDC system: AML/CFT enforcement, dealing with fraudulent and erroneous transactions, taxation and liens, as well as personal data protection and privacy concerns. Another challenge for all jurisdictions is CBDC's status as legal tender, since its universal acceptance might not be possible. Ensuring privacy is also of utmost importance, especially when smart contracts are involved.

As far as the Russian legal system is concerned, the introduction of the digital ruble will naturally entail a large-scale revision of non-cash payments regulation, concrete definition of the rules concerning the distribution of risks in fraudulent and erroneous transactions, developing new rules for enforcement and bankruptcy proceedings, etc. At the same time, it is unlikely that the provisions of the Civil Code of the Russian Federation concerning the objects of civil rights will require significant change, as digital rubles can be classified as non-cash funds (as far as this concept is interpreted broadly).

References

1. The Central Bank of the Russian Federation. (2020) *Tsifrovoy rubl': doklad dlya obshchestvennykh konsul'tatsiy, oktyabr' 2020* [Digital Ruble: Report for Public Consultation, October 2020]. Moscow: The Central Bank of the Russian Federation.
2. The Central Bank of the Russian Federation. (2021) *Kontseptsiya tsifrovogo rublya, aprel' 2021* [The concept of the digital ruble, April 2021]. Moscow: The Central Bank of the Russian Federation.

3. Bossu, W. et al. (2020) Legal Aspects of Central Bank Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations. *IMF Working Paper WP/20/254*. IMF Legal Department.
4. Lietuvos Bankas. (n.d.) *LBCOIN – About the project*. [Online] Available from: <https://lbcoin.lb.lt/fk046> (Accessed: 21st April 2021)
5. Agur, I., Ari, A. & Dell'Ariccia, G. (2020) Designing Central Bank Digital Currencies. *IMF Working Paper*. 19/252. IMF Research Department.
6. Adrian, T. & Mancini Griffoli, A. (2019) The rise of digital mone. *IMF Fintech Notes*. July 2019. Washington, DC: International Monetary Fund.
7. Auer, R. & Boehme, R. (2020) The technology of retail central bank digital currency. *BIS Quarterly Review*. March.
8. World Economic Forum Centre for the Fourth Industrial Revolution. (2020) *Central Bank Digital Currency Policy-Maker Toolkit: Insight Report*. January.
9. Allen, S. et al. (2020) Design Choices for Central Bank Digital Currency: Policy and Technical Considerations. *Global Economy & Development Working Paper*. 140. Brookings Institution.
10. Auer, R., Cornelli, G. & Frost, J. (2020) Rise of the Central Bank Digital Currencies: Drivers, Approaches and Technologies. *CEPR Discussion Paper*. DP15363. Centre for Economic Policy Research.
11. Sveriges Riksbank. (2021) *Ekrona pilot Phase 1*. April.
12. Sveriges Riksbank. (2017) *E-krona project, report 1*. September.
13. Laboure, M. (2020) The steps required to promote digital currencies. In: *Konzept # 19: What we must do to rebuild*. *Deutsche Bank Research*. pp. 49–52. [Online] Available from: <https://tinyurl.com/dbkonzept19> (Accessed: 21st April 2021).
14. Central Bank of the Bahamas. (2019) *Project Sand Dollar: A Bahamas Payments System Modernisation Initiative, 24 December, 2019*. [Online] Available from: <https://cdn.centralbankbahamas.com/documents/2019-12-25-02-18-11-Project-Sanddollar.pdf> (Accessed: 21st April 2021).
15. Davis, C.B. (2020) Sand Dollar: Driving Financial Inclusion and FinTech Innovation In the Midst of COVID-19. *1 Meeting of Heads of Financial Market Infrastructures*. September 30 – October 2, 2020. Center for Latin American Monetary Studies (CEMLA). [Online] Available from: <https://www.cemla.org/actividades/2020-final/2020-09-i-meeting-market-infrastructures/2020-09-i-meeting-market-infrastructures-2.pdf> (Accessed: 21st April 2021).
16. Auer, R. & Boehme, R. (n.d.) *CBDC architectures, the financial system, and the central bank of the future*. [Online] Available from: <https://voxeu.org/article/cbdc-architectures-financial-system-and-central-bank-future> (Accessed: 21st April 2021).
17. Ward, O. & Rochemont, S. (2019) *Understanding Central Bank Digital Currencies (CBDC): an addendum to “A Cashless Society – Benefits, Risks and Issues (Interim paper)”*, March 2019. Institute and Faculty of Actuaries.
18. Agur, I. (2018) Central Bank Digital Currencies: an overview of pros and cons. In: Gnan, E. & Masciandaro, D. (eds) *Do We Need Central Bank Digital Currency? Economics, Technology and Institutions*. Société Universitaire Européenne de Recherches Financières Conference Proceedings. pp. 82–90.
19. Bindseil, U. (2020) Tiered CBDC and the Financial System. *ECB Working Paper*. No. 2351. European Central Bank.
20. Sveriges Riksbank. (2018) *E-krona project, report 2*. October.
21. Kumhof, M. & Noone, C. (2018) Central bank digital currencies – design principles and balance sheet implications. *Staff Working Paper*. 725. Bank of England.
22. KPMG. (201) *Global Anti-Money Laundering Survey 2014*. [Online] Available from: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2015/03/global-anti-money-laundering-survey-latest.pdf> (Accessed: 21st April 2021).
23. Kahn, C.M. (2016) How are payment accounts special? *Payments Innovation Symposium*. October 12-13, 2016. Federal Reserve Bank of Chicago.

24. Bergara, M. & Ponce, J. (2018) Central bank digital currency: the Uruguayan e-Peso case. In: Gnan, E. & Masciandaro, D. (eds) *Do We Need Central Bank Digital Currency? Economics, Technology and Institutions*. Société Universitaire Européenne de Recherches Financières Conference Proceedings. pp. 82–90.
25. Nabilou, H. (2020) Testing the waters of the Rubicon: the European Central Bank and central bank digital currencies. *Journal of Banking Regulation*. 21. pp. 299–314.
26. Pfister, C. (2020) Central Bank Digital Currency: A Primer. *SUERF Policy Note*. 143. SUERF – The European Money and Finance Forum.
27. Mancini-Griffoli, T. et al. (2018) Casting Light on Central Bank Digital Currenc. *IMF Staff Discussion Note SDN/18/08*.
28. Lunts, L.A. (2004) *Den'gi i denezhnye obyazatel'stva v grazhdanskom prave* [Money and liabilities in civil law]. Moscow: Statut.
29. Anisina, K.T., Badmaev, B.G., Bit-Shabo, I.V. et al. (2019) *Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki* [Financial law in the context of the development of the digital economy]. Moscow: Prospekt.
30. Lee Joo Yeol. (2021) Lijuyol haneung chongjae “sobihwebok dodo ... mulgasansin kokjon anhe” (Lee Joo Yeol: “The recovery in consumption is slow, I'm not worried about inflation”). *Monitudei*. 25th February. [Online] Available from: https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2021022512521030340&VNC_T (Accessed: 21st April 2021).